

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

**КОРОТЕНЬКАЯ
ЖИЗНЬ**

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский Коротенькая жизнь

Аннотация

«Наше знакомство только что началось, и я, как это, вероятно, со всеми бывает, незаметно напрягал своё внимание, чтобы поскорее уяснить себе нравственный облик нового знакомого. В таких случаях иногда бывает то же, что и с новой книгой, с содержанием которой хочешь бегло ознакомиться, чтобы выяснить вопрос: стоит ли тратить на неё время...»

Николай Гарин- Михайловский

Коротенькая жизнь

Посвящается дорогому моему сыну Серёже

Наше знакомство только что началось, и я, как это, вероятно, со всеми бывает, незаметно напрягал своё внимание, чтобы поскорее уяснить себе нравственный облик нового знакомого. В таких случаях иногда бывает то же, что и с новой книгой, с содержанием которой хочешь бегло ознакомиться, чтобы выяснить вопрос: стоит ли тратить на неё время.

Местом нашего знакомства была деревня. Обстановка — помещичий дом с следами некогда довольно богатого прошлого. Теперь всё это носит уже на себе следы времени и отсутствия интереса со стороны хозяев к восстановлению былого. Впрочем, в широких с потёртой материей креслах сидеть удобно и приятно.

Владелец — одинокий старик, худой, высокий, сутуловатый, бреется, носит военные усы и с виду составляет одно целое со всей своей обстановкой. От всей его фигуры в первое мгновение веет немного холодом. Это сухой, строгий, представительный старик, если можно так выразиться, с капризными манерами избалованного когда-то светского человека;

но в серых строгих или, вернее, внимательных глазах холода нет. Чувствуется мгновениями в хозяине какая-то рассеянность, и тогда он точно забывает вдруг всё окружающее, и взгляд его, блуждая, вероятно, в далёком прошлом, делается ласковым, но каким-то далёким и чужим вам. Это – ласкающая задумчивость красивого осеннего пейзажа, мимо которого при последних лучах солнца проносится ваш поезд, это, конечно, чужое вам, и вы забудете о нём, но в данное мгновение этот вид ласкает ваш взгляд и будит что-то. Переход опять к действительности, возвращение в обстановку, окружающую его – медленно, и следы неохоты оторваться от своих мыслей явно обозначаются на его лице. Мы провели уже несколько часов вместе, пообедали и теперь в его кабинете пьём чай.

Я чувствую удовлетворение и возрастающий интерес и не жалею, что потерял день из моей кочевой жизни, чтобы лично повидаться, а не с помощью переписки переговорить о случившемся у нас с Александром Дмитриевичем С. деле.

Разговор о деле давно кончился и я, предполагая сперва было уехать, принял приглашение хозяина ночевать у него. Принял потому, что чувствовал какую-то душевную уютность, да мне и просто хотелось отдохнуть в этой по моим нервам пришедшейся обстановке.

Очевидно, и хозяин чувствовал это моё удовлетворение, и это ещё быстрее создавало между нами близость, которая, впрочем, никакими внешними признаками не обнаружива-

лась.

– Если вы не передумали, то мы, пожалуй, и пойдём, – обратился ко мне после чаю Александр Дмитриевич.

Он звал меня в основанную им школу, о которой я и раньше уже слышал и сам просил хозяина показать мне её.

Александр Дмитриевич приподнялся с своего кресла с некоторой неохотой, какую испытывает, например, молодой автор, когда хочется ему прочесть написанное и в то же время от мысли, что теперь читаться это будет уже в иной обстановке, чем когда писалось и чувствовалось – людям, которые, может быть, находятся в совершенно ином расположении духа – его вдруг охватывает тоска и хотел бы уж он быть в этот момент за сотни вёрст от своего чтения, от этого общества, которое кажется ему вдруг враждебным и сухим и нерасположенным заранее ко всему, о чём бы ни вздумал говорить с ним автор.

Разница, впрочем, между таким молодым автором и моим новым знакомым была и заключалась в том, что вся спокойная без рисовки сгорбленная фигура его как бы говорила: «ты себе, конечно, как знаешь, так и смотри на вещи, а каждому человеку жить надо и живёт он как может. Худо ли, хорошо, но жить надо и нужен воздух и для души».

Я шёл за ним по коридору и в душе признавал все его права на такую постановку вопроса. Раз и для души нужен воздух, то это ведь главное «Жива душа», а остальное жизнь сделает. Да и какое имею я право относиться иначе? Входя в

дом англичанина, его согражданин не станет диктовать ему, как ему надо жить, но напротив всецело признаёт за ним право жить и думать так, как только это будет ему угодно.

Признаюсь откровенно, меня никогда не шокирует никакое мнение, несогласное со мной. Я только буду прислушиваться к тому, насколько оно искренно и одухотворено. И если это только не животное и не переодевание в индейца из оперетки Перикола, то я с большим удовольствием буду с таким человеком всегда и спорить, и дружбу водить, и делить с ним хлеб-соль.

* * *

Отделение, назначенное для школы, занимало добрую половину большого барского дома и в контраст с помещением владельца было отделано изысканно, красиво и светло. Полировка, лак, паркет, резного дерева потолки, резная дубовая мебель, стены, раскрашенные прекрасными картинами.

С громадным удивлением я читал под ними имя одного из самых выдающихся наших художников, прекрасно выполненные картины которого из народной жизни на выставке умеют привлекать к себе толпу зрителей и покупателей, платящих за них сотни и тысячи рублей.

Всё остальное в школе было в тон этой роскоши. Громадные комнаты, масса воздуха, комнаты для музея, комнаты для ремёсел.

– Это вот их образцовые поля и огороды, – показал хозяин в окно.

Из больших зеркальных окон открывался вид на поля, реку и пруд. Была осень, мелкий дождик только что перестал, и тёмные осенние поля с помятой жнивой, теперь намокшие и продрогшие, смотрели холодно и неуютно. Виднелись оросительные канавки, а туда, дальше, флигелёк и ряд хозяйственных построек. У флигеля несколько маленьких крестьянских детей возились над чем-то.

Мы прошли ещё несколько комнат и вошли в маленькую нарядную комнатку с камином, в котором ярко горели теперь дрова, с мягкой кабинетной мебелью, обитой тёмным сафьяном, с полом, устланным хорошими коврами, и со стенами, увешанными картинами. Сухое лицо хозяина, эта обычная маска его, оживилось, и неуверенным смущённым голосом он сказал:

– Это моё святилище.

У дверей стоял сторож, руками которого, очевидно, был растоплен этот камин и всё содержалось в таком порядке. Ласково, с тем видом, когда в доме всё делается не за страх только, а и за совесть, он спросил:

– Чаю?

– Дай, – сухо ответил хозяин и, опустившись в кресло, спросил:

– Вы против камина ничего не имеете?

– Я люблю камин. В такой сырой мозглый день он греет

и светит, как солнце, и придаёт этой прекрасной комнате самый уютный и жилой вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.